

ИНТЕГРАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ И СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА

И. С. Ларьяновский

Одесская национальная академия пищевых технологий, г. Одесса, Украина

INTEGRATE VALUES AND SOCIAL-CULTURAL DYNAMICS

I. S. Laryanovsky

Odessa national academy of food technology, Odessa, Ukraine

Summary. Integrate non-classical conception of human values has been proposed. The latter are understood as universal cultural creative innovations, which discover new life sense perspectives to the humanity.

Key words: axiology; civilization; cultural dynamics; epistemology; human values; non-classical science; philosophy; social cognition; universal evolution.

Вся мировая философия, какой она нам известна в её традиционных, классических формах, устремлена к предельному, всеобъемлющему, непреходящему, торжествующему благу. Философское мышление – это, так или иначе, возвышающее нас вопрошание о таинственном единстве истины, добра и красоты, которое ценней, достойней, совершенней чего бы то ни было [10; 11; 13; 17; 21; 30]. Это, конечно, не исключает того обстоятельства, что некоторому мыслителю может быть более близка позиция радикальной критики блага, как предмета спекулятивного, не имеющего реального онтологического статуса. Но, как уже неоднократно бывало, в переломные, кризисные исторические эпохи, когда остро ощущается необходимость глобальной «переоценки ценностей», приписываемый Сократу основополагающий аксиологический вопрос «что есть благо?», всякий раз неумолимо выходит на первый план философского дискурса. Если в попытке ответить на этот вечно актуальный вопрос мы попробуем отталкиваться от идей новейшей эволюционно-синергетической парадигмы [2; 12; 25; 31–35], то тогда благо, в первом приближении, может быть рассмотрено нами как общезначимый эволюционный успех, т. е. как конкретное позитивное изменение человеческого бытия, которое способно увеличивать адаптационные возможности человеческого вида. И нам также следует учесть, что развитие человечества есть эволюция синтетическая, двухуровневая, а именно – биологическая и социокультурная, причём темп и влияние социокультурной составляющей всё более возрастает. Тогда правомерно выглядит следующая гипотеза: для закрепления позитивных адаптационных достижений человеческому виду в его социальном бытии должны быть присущи дополнительные – внебиологические носители наследственности и соответствующие им специфические механизмы социокультурного наследования. Т. е. речь здесь у нас идёт о предположительном функционировании в социальной реальности некоторых стабильных внебиологических образований, которые обеспечивали бы накопление и фиксацию позитивных эволюционных адаптаций, сохраняя и транслируя их в качестве констант-инвариантов человеческого способа бытия в мире. Причём инвариантов достаточно глубоких, которые бы были весьма устойчивы к вариациям биологических, психологических, этнических, конфессиональных, культурных и других особенностей человеческих индивидов и групп. Мы полагаем, что функцию таких инвариантов постбиологической, социокультурной «наследственности» выполняют базовые интегральные ценности. Будучи воплощёнными в социальную практику и многообразие создаваемых человеком культурных форм, а именно – в общезначимые морально-этические идеалы и нормы [8; 9], религиозные догматы, художественные символы, принципы научной рациональности [13; 14] и т. д., интегральные ценности образуют своеобразный материально-идеальный субстрат внебиологического, внетелесного человеческого механизма наследования. Поэтому интегральные ценности могут быть также определены нами как универсальные, синтетические социальные блага, ибо в них выкристаллизованы представления человеческих сообществ о природе реальности и смысле человеческого существования. Таким образом, в нашем понимании,

блага или ценности есть общезначимые инвариантные принципы человеческого бытия в мире, в которых аккумулируется позитивный опыт эволюционных обретений, причём этот опыт как бы «напластовывается» над собственно биологическими механизмами функционирования живого на Земле.

Интегральные ценности-блага тем важны и интересны, что способны непосредственно регулировать многообразную социальную и духовную деятельность человеческого вида [1; 19; 20], в том числе научно-познавательную деятельность, помещая собственно биологические процессы в более масштабный эволюционный контекст – в контекст постбиологического, ноосферного, прогрессивно-мутагенного бытия. Тогда, по аналогии, вполне правомерно рассматривать интегральные ценности-блага как своеобразные «социокультурные гены», внешние по отношению к исходной биологической природе человека, которые распределены во времени и пространстве за пределами органической телесности. Будучи спроецированными в материально-вещественную и информационно-энергетическую структуру окружающего мира, «социокультурные гены» как бы опредмечивают (в преобразованных формах) актуально или потенциально присущие человеку экзистенциальные духовно-творческие силы. Кроме того, внебиологические (экзосоматические) гены, при условии их комплиментарности, складываются в социальные системы-генотипы, благодаря стабильным структурам которых возможно устойчивое существование человеческих общностей, государственных образований, цивилизационных комплексов в периоды времени, существенно большей длительности, чем время жизни нескольких поколений. Таким образом, ценности могут быть поняты как универсальные принципы гомеостазиса социокультурных систем, в которых живёт, эволюционирует и воспроизводит себя человек.

Многие исследователи, изучавшие историко-культурные процессы в их макрокосмосе, неоднократно обращали внимание на основополагающую роль духовных ценностей в функционировании социальных систем [1; 7; 9; 19; 20]. При этом ими имелись в виду общезначимые, наиболее масштабные или, в нашей терминологии, интегральные ценности, которые своим содержанием и характером задают смысложизненную стратегию человечества. И если возможно сегодня появление действительно новых интегральных ценностей, то нам должно помнить, что они обретаются человеком в переломные эпохи, в «осевые времена», когда эволюционный вектор, задающий преимущественное направление культуротворческих «мутаций», стремительно и непредсказуемым образом переориентируется в связи с вхождением в человеческий мир альтернативных бытийных измерений. В такие эпохи эволюционные процессы получают возможность сформировать новую «траекторию» во впервые открывшемся пространстве возможностей. Причём в пространстве, – существенно более сложном и многомерном, продвигаясь и восходя в котором человечество всё более удаляется от своих биологических инстинктивных истоков и программ жизни, надстраивая над ними иные – трансфизические и трансбиологические слои и способы бытия. Тем самым человеческий вид как бы учится адаптироваться к многоуровневой реальности, оказываясь жителем не только природного мира, но и психоментального, и трансцендентально-виртуального миров. И если так, то новые, общепланетарного масштаба ценности по сравнению с традиционными «вечными» ценностями локальных цивилизаций, должны становиться всё более ёмкими, всевекторными и всеуровневыми, т. е. многомерными, синтетическими, такими, чтобы обеспечивалась жизнеспособность и эволюция человеческого вида одновременно во всех доступных человеку сферах бытия.

Как известно, в современном физико-математическом естествознании всё большее значение приобретает идея симметрии, которая рассматривается научным сообществом как фундаментальный принцип вселенского космического бытия [4; 6; 24; 26; 27; 36; 37]. И если симметрия действительно универсальный принцип, то она каким-либо образом должна проявлять себя и на уровне социокультурного бытия. Мы полагаем, что принцип симметрии себя обнаруживает, как минимум, в инвариантности социального функционирования интегральных ценностей, т. е. фундаментальных, базовых ценностей смысложизненного, культуротворческого

масштаба. Сказанное следует понимать так, что в многообразии культурных форм и социальных благ, а также в вариативности человеческих поступков, принимаемых решений и связанных с ними исторических изменений, всегда присутствуют устойчиво-инвариантные ценностно-смысловые комплексы, увязывающие всё это хаотическое множество социально-культурных движений в целостные динамические паттерны. Благодаря последнему обстоятельству сверхсложное многообразие социальной и культурной жизни на основе принципа симметрии может быть формально обобщено и непротиворечивым образом приведено к нескольким философско-логическим концептуальным схемам и моделям, научно-теоретический анализ которых должен дать нам возможность понимать генетические истоки и результирующий эволюционный вектор каждой из основных социокультурных общностей (цивилизаций) современного человечества. Выявить ценностно-смысловую симметрию – это, в конечном итоге, означает подобрать эффективный философско-методологический ключ к актуальной стратегической задаче обновляющего социально-культурного синтеза. Современный мир нуждается в таком глобальном социокультурном синтезе, ибо только лишь экономической глобализации для обретения новых устойчивых эволюционных перспектив явно недостаточно. Однако не исключено также, что в социально-практическом плане в периоды перманентных исторических бифуркаций, культурное многообразие даже генетически близких социокультурных образований к целостному, всеединому ценностно-смысловому знаменателю не сводимо.

Возникает вопрос: возможен ли в принципе широкий мультикультурный синтез в ближайшей исторической перспективе, такой, чтобы он по содержанию и генеральной направленности был адекватен, как теперь принято говорить, эпохе постмодерна? Едва ли кто-то готов дать исчерпывающий ответ уже сегодня [7]. Но примем во внимание следующее обстоятельство: современная постнеклассическая наука, являясь неоспоримым лидером познания и локомотивом технологических и социальных инноваций, причём не только лишь в форме физико-математических дисциплин, но всё более и более, – в форме трансдисциплинарных исследовательских программ, подходит к такому пункту своего развития, в котором начинает плодотворно взаимодействовать с философией и нуждаться в ней. Таким образом, к философии постепенно возвращается её методологическая и координирующая роль в познании, почти было утраченная в XX ст. [14; 15; 32]. Это становится особенно заметным, когда речь идёт о познании сверхсложных саморазвивающихся систем, например, систем социокультурных. Не исключено, что подобные трансдисциплинарные исследования помогут выработать универсальные для нашей эпохи стратегические подходы, способные вплотную подвести к новому социокультурному синтезу, адекватному современным масштабам формирующейся общепланетарной цивилизации. Однако искомый позитивный результат существенным образом зависит, в том числе и от того, способна ли новейшая постнеклассическая наука при координирующей роли философии, генерировать масштабные инновационные ценности, превосходящие по своему смысложизненному содержанию и эволюционному потенциалу ценности традиционные, а именно религиозные, метафизические, техногенные? Т. е. проблема сегодня состоит не в том, является ли наука мощным мутагенным фактором культуры и цивилизации, а в том, обладает ли она потенциалом, так сказать, трансцендентальным, превосходящим рационально-алгоритмизированное, техногенное мышление. Ведь наука сама есть порождение этого мышления. Нам же для нового цивилизационного синтеза нужно мышление эмерджентное, культуропорождающее, трансформирующее, а не только лишь адаптирующее. Т. е. мышление, которое не стремится быть отражением бытия, а способно творить принципиально иное бытие, эволюционно «вращивать» в нём всё новые и новые слои. Такое мышление может быть названо ценностно-ориентированным. Поэтому отнюдь не достаточно в нынешних условиях методологического умения критически оценивать научный поиск, соотнося его результаты с доминирующими в социуме ценностями. Необходимо приближать нормы научной рациональности к высокому трансцендентальному идеалу, посредством которого сквозь стандартизированную обыденность современной жизни начинают просвечивать ценности

будущей эпохи. Пока же научное сообщество всё ещё придерживается в своём большинстве, критическо-позитивистских взглядов на смысл и предназначение науки [13; 15; 29]: наука должна лаконично и непротиворечиво описывать реальность, без того чтобы претендовать на действительное к ней приближение. Мы же видим роль науки не только лишь в описании реальности и даже не в рационально-практическом приближении к ней, но в сотворении реальности более высокого эволюционного уровня, чем реальность физическая и биологическая. Человечеству нашей эпохи нужен контакт с многомерной, плюралистической реальностью, в которой творческая работа разума завершила бы «фазовый переход» от эволюции биосоциальной к превосходящей её своим бытийным объёмом эволюции социоментальной (ноосферной). Т. е. «фазовый переход», о котором мы ведём речь, – это глобальная социокультурная «мутация», направленная на необратимое вхождение человечества в системный ноосферогенез (вполне возможно, что не только планетарный, но и космический!).

Дистанцирование современной мировой науки, – на самом деле мнимое, – от ценностей есть принципиальная, хоть и вполне объяснимая методологическая ошибка. Классическая наука вынуждена была декларативно дистанцироваться от религиозно-этических ценностей, чтобы обрести организационную и мировоззренческую автономию. Хотя окончательно вырваться из «поля притяжения» базовых ценностей (посредством продекларированного дистанцирования от них) и достичь цели полной аксиологической нейтральности, по нашему мнению, так и не удалось. Да это и не представляется возможным в принципе, ибо именно благодаря наличию базовых интегральных ценностей человеческие сообщества (в т. ч. научные) находят – более-менее оптимальную – «историческую колею», по которой непосредственно (или опосредованно) продвигается любая культуротворческая деятельность. Чтобы преодолеть силу притяжения базовых ценностей, необходимо сформировать в социуме принципиально иной эволюционный вектор, обрести новые экзистенциально-ценностные основания и соответствующую им социокультурную динамику.

Зададим в связи со сказанным выше следующий вопрос: зреют ли в современной науке условия для создания человеком новых масштабных, со значительным культуропорождающим динамизмом ценностей? Есть явные признаки того, что зреют. В качестве примера возьмёт современную физическую космологию – синтетическую естественно-математическую науку о Вселенной в целом, её строении и эволюции. Как известно, космология наиболее мировоззренчески нагруженная из естественных наук, наиболее философичная [6; 16; 22; 23; 28]. Характер выводов, которые делает космология относительно природы мироздания, непосредственно зависит от избранной научной и философской методологии. Здесь всегда значительный вес имеют гипотетические интерпретации, здесь невозможно существенно продвинуться без опоры на эксплицитно сформулированные философские принципы. Т. е. философские мировоззренческие и методологические принципы из космологии не устранимы, как не устранимы и ценности. Всё это даёт основание некоторым современным методологам не считать космологию стопроцентной наукой, а только лишь учением, в отношении которого нормы научной рациональности чрезмерно ослаблены. Но даже если и так, то, тем не менее, следует иметь в виду, что от теоретических результатов, а также от естественнонаучной и эпистемологической интерпретации астрономических наблюдательных данных, устанавливаемых на космологических пространственно-временных масштабах, непосредственно зависит то, каким путём пойдёт современная наука и, прежде всего, физика микромира – фундамент всего естествознания. Таким образом, космология – это есть такое учение, которое может оказать решающее влияние на ход естественнонаучного познания в целом и более того – на выбор ценностно-культурных приоритетов современной цивилизации.

Исследователи-философы, изучающие становление и методологические основания современной космологии, обращают также внимание на то обстоятельство, что именно космология во все времена письменной истории человечества во многом формировала результирующий мировоззренческий вектор культуры [16; 23]. (Хотя в эпоху модерна влияние космологии на культуру было неявным).

В современную нам эпоху ситуация меняется. И если культуруформирующая роль космологии сегодня неуклонно растёт, то жёсткие каноны эмпирической верификации в отношении этой области междисциплинарного знания, по-видимому, действительно должны быть пересмотрены в сторону смягчения. От космологии теперь требуется особое «умное видение» (усмотрение) реальности, в котором ценностно-эстетические критерии (наряду с традиционными эпистемологическими критериями) приобретают первостепенную роль. Т. е. перед учёными и мыслителями с необходимостью встаёт сегодня сверхсложная задача – свершить синтетически-творческое усмотрение-конструирование «нового космоса» для современной цивилизации. Такое усмотрение («умное видение») и есть, как можно предположить, перспективный и адекватный эпохе научно-философский способ обретения инновационных постнеклассических ценностей, могущих быть спроецированными не только в область системы наук, но и в многоуровневый пласт всей глобализирующейся культуры. Таким образом, современная космология должна быть оценена как одна из приоритетных сфер нерыночной, непрагматической, ценностно-ориентированной науки где, тем не менее, создаются реальные внеэкономические богатства новой эпохи и пролагаются перспективные пути социоментальной эволюции человека. Поэтому, мы полагаем, что совершенно правы те исследователи, которые настаивают на следующем тезисе: космологическое просвещение народов следует начинать со школьной скамьи, чтобы формировать хотя бы в зачаточной стадии способность к эстетико-космологическому умозрению, соотнося с ним на государственном уровне стратегические цели культурной и образовательной политики.

С учётом сказанного выше, обратимся теперь в заключительной части нашей статьи к насущным вопросам реформы вузовского образования, которая, как утверждают, должна быть основана на принципах Болонской конвенции.

Как мы уже подчёркивали ранее, интегральные базовые ценности многообразно пронизывают собой все сферы общественной жизни и задают результирующий вектор цивилизационной динамики. Что касается образовательной сферы современного социума, то она есть одна из наиболее функционально значимых сфер, открытых и ёмких по отношению к ценностям. Именно здесь, в конечном итоге, и производится социально-санкционированная трансляция тех интегральных ценностей, которые доминируют в обществе на определённом этапе его исторического развития. И хотя ценности есть по преимуществу феномены экзистенциально-смысловые, они, тем не менее, способны оказывать влияние на темп и характер общественного развития с силой не меньшей, чем всеми сегодня признаваемые – в качестве определяющих движущих сил общества – факторы материально-экономические. Образование, при этом, является именно той важнейшей компонентой социальной системой, качественное состояние которой непосредственно зависит от содержания и направленности доминирующих культурных ценностей и призвано благотворно влиять на общецивилизационный процесс поиска ценностей инновационных, постнеклассических, способствовать скорейшему нахождению антикризисных перспектив будущего развития. Поскольку старые советско-коммунистические ценности (как в России, так и на Украине) подверглись катастрофическому обесцениванию, то современная политическая элита посредством ангажированных ею новых идеологов стремится распространить в образовательном поле «альтернативные» либерально-рыночные ценности. Однако пока эти попытки выглядят как мера, принципиально неадекватная как нашим духовным традициям, так и новейшим европейским социокультурным тенденциям. И так выходит во многом потому, что стратегические вопросы развития образования подчиняют требованиям текущей экономической конъюнктуры. Ярким примером здесь служит практика внедрения у нас Болонской системы.

Принято считать, что основной целью Болонского процесса является создание единого унифицированного европейского образовательного пространства. Но действительно ли именно эта цель есть главенствующая? В ней ли заключена стратегическая идея творцов Болонского процесса? Лишь поверхностный взгляд ограничивается тем мнением, что введение Болонской системы необходимо для унификации и сближения образовательных систем стран Европы. И что

планируемое сближение не возможно осуществить без тотальной технологизации учебного процесса, т. е. без создания своего рода общеевропейского «конвейера», который позволит «изготавливать» стереотипно выученных работников двух основных квалификационных уровней – бакалавров и магистров. Это должен быть весьма гибкий «конвейер», который будет оперативно реагировать на изменения в экономической конъюнктуре и «производить» специалистов, совместимых с экономико-технологическими ритмами постиндустриальной рыночной инфраструктуры. Однако если обратить внимание на культурно-ценностные истоки европейской образовательной реформы, то станет ясно, что всё это не более чем тактическая цель. И только лишь на ближайшую перспективу. Стратегической целью, как можно сделать вывод, исходя из новейших подходов в западной философии образования, так или иначе заложенных в основу Болонской системы, является глубокая транскультурная интеграция Европы. Это означает создание на базе европейской мультикультурности сверхмощной по своей духовно-порождающей силе ценностной парадигмы. Такая парадигма, способная к инновационному культурному синтезу, как предполагают, может быть «вращена» за счёт так называемого синергетического эффекта, возникающего в сложных самоорганизующихся системах. Это потребует создания условий для динамичного взаимно согласованного обмена значимыми культурно-созидающими академическими ценностями, которые без ограничений способны будут исходить от различных национально-культурных и языковых традиций и, переплетаясь, порождать в Европе «цветущую сложность». Если движение к столь масштабной цели приобретёт реальные очертания, то Европа по праву способна будет претендовать на статус мирового цивилизационного лидера. И если наши страны видят себя весомыми социокультурными составляющими в разворачивающемся европейском образовательном процессе, то стратегической целью внедрения Болонской системы для нас должно стать присоединение к общеевропейскому межкультурному взаимодействию. А это означает следующее: вместо «горизонтальной» узко-прагматической ориентации в вузовском образовании перейти к вертикально-ценностной, т. е. такой ориентации, которая способствовала бы глубокому освоению и многовекторной обогащающей трансляции наиболее масштабных культурных ценностей человечества, причём во всём их широчайшем смысловом диапазоне, а именно: от социально-прагматических, насущно-утилитарных до духовно-синтетических, идеально-трансцендентальных. И делать это нужно, конечно, вне непосредственной связи с колебаниями рыночной конъюнктуры.

Библиографический список

1. Бессонов Б. Н. Социальные и духовные ценности на рубеже II и III тысячелетий : учебное пособие. – М. : Норма, 2011. – 320 с.
2. Болдачев А. В. Новации. Суждения в русле эволюционной парадигмы. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2007. – 256 с.
3. Будущее науки в XXI веке. Следующие пятьдесят лет : сборник статей / под ред. Джона Брокмана; пер. с англ. Ю. В. Букановой. – М. : АСТ, Астрель ; Владимир : ВТК, 2011. – 255 с.
4. Вигнер Э. П. Инвариантность и законы сохранения. Этюды о симметрии / пер. с англ. ; под ред. Я. А. Смородинского. – 2-е изд. стереотипное. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 320 с.
5. Греб А. А. Основные представления современной космологии: учебное пособие для высших учебных заведений. – М. : ФИЗМАТЛИТ, 2008. – 108 с.
6. Грин Брайан. Ткань космоса: пространство, время и текстура реальности / пер. с англ. под общ. рук. Б. С. Ишханова ; под ред. В. О. Малышенко и А. Д. Панова. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 608 с.
7. Доманска Э. Философия истории после постмодернизма: беседы с ведущими историками и философами истории XX века / пер. с англ. М. А. Кукарцевой. – М. : «Канон + » РООИ «Реабилитация», 2010. – 400 с.
8. Епифанова Н. Н. Нравственность и жизненный мир человека: осмысление трансцендентального идеала / под. ред. проф. Л. И. Тетюева. – Саратов : Научная книга, 2009. – 155 с.
9. Здравомыслов А. Г. Потребности. Интересы. Ценности. – М. : Политиздат, 1986. – 223 с.
10. Ивин А. А. Аксиология : научное издание. – М. : Высшая школа, 2006. – 390 с.
11. Ильин В. В. Аксиология : научное издание. – М. : Изд-во МГУ, 2005. – 216 с.

12. Ильин И. В. Глобальный эволюционизм: идеи, проблемы, гипотезы / И. В. Ильин, А. Д. Урсул, Т. А. Урсул. – М. : Издательство Московского университета, 2012. – 616 с.
13. Кузнецов Б. Г. Ценность познания: очерки современной теории науки. – 2-е изд. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 168 с.
14. Кузнецов Б. Г. Этюды о меганауке / отв. ред. М. К. Мамардашвили. – 2-е изд. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 136 с.
15. На пути к неклассической эпистемологии : сборник статей / Автономова Н. С., Лекторский В. А., Пружинин Б. И., Юдин Б. Г. и др.; отв. редактор В. А. Лекторский. – М. : ИФ РАН, 2009. – 237 с.
16. Павленко А. Н. Европейская космология: основания эпистемологического поворота. – М. : Институт философии РАН – Интрада, 1997. – 256 с.
17. Родзинский Д. Л. Сознание античного мудреца. – М. : Аграф, 2003. – 320 с.
18. Сажин М. В. Современная космология в популярном изложении. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 240 с.
19. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика / перевод с англ. ; вступ. статья и комментарии В. В. Сапова. – М. : Астрель, 2006. – 1176 с.
20. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предислов. А. Ю. Согомонова ; перевод с англ. С. А. Сидоренко. – М. : Политиздат, 1992. – 543 с.
21. Столович Л. Н. Красота. Добро. Истина: очерки истории эстетической аксиологии. – М. : Республика, 1994. – 464 с.
22. Тарароев Я. В. Онтологические основания современной физики и космологии. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 264 с.
23. Турсунов А. Философия и современная космология. – М. : Политиздат, 1977. – 191 с.
24. Урманцев Ю. А. Симметрия природы и природа симметрии: философские и естественнонаучные аспекты. – 4-е изд. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 232 с.
25. Урманцев Ю. А. Эволюционика, или общая теория развития систем природы, общества и мышления. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 240 с.
26. Урусов В. С. Симметрия-диссимметрия в эволюции Мира: от рождения Вселенной до развития жизни на Земле. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 266 с.
27. Фундаментальная структура материи / Уилкинсон Д., Пайерлс Р., Льюэллин-Смит К., Перкинс Д., Салам А., Эллис Дж., Адамс Дж., Гелл-Ман М. ; пер. с англ. под ред. и с предислов. А. Д. Суханова. – М. : Мир, 1984. – 312 с.
28. Хван М. П. Неистовая Вселенная: от Большого взрыва до ускоренного расширения, от кварков до суперструн. – 2-е изд., исп. – М. : Издательство ЛКИ, 2008. – 408 с.
29. Хокинг С. Теория всего. Происхождение и судьба Вселенной / пер. с англ. И. Иванова ; под ред. Г. Бурбы. – СПб. : Амфора, 2009. – 148 с.
30. Шохин В. К. Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль : монография. – М. : РУДН, 2006. – 457 с.
31. Эволюционная эпистемология : антология / Кэмпбелл Д., Лоренц К., Поппер К., Ридль Р. и др. ; науч. ред. и сост. Е. Н. Князева. – М. : Центр гуманитарных инициатив, 20012. – 704 с.
32. Эволюционная эпистемология: современные дискуссии и тенденции : сборник статей / Князева Е. Н., Бескова И. А., Смирнова Н. М., Ивин А. А. и др. ; отв. ред. Е. Н. Князева. – М. : ИФ РАН, 2012. – 236 с.
33. Эволюция Вселенной и происхождение жизни / Теерикорпи Пекка, Валтонен Маури, Лехто Кирси, Лехто Харри и др. ; перевод с англ. и ред. В. Г. Сурдина. – М. : Эксмо, 2010. – 624 с.
34. Эволюция: дискуссионные аспекты глобальных эволюционных процессов : коллективная монография / Голубев В. С., Гринченко С. Н., Урсул А. Д. и др. ; отв. ред. Л. Е. Гринин, И. В. Ильин, А. В. Коротаев, А. В. Марков. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 368 с.
35. Эволюция: космическая, биологическая, социальная : коллективная монография / Гринин Л. Е., Назаретян А. П., Панов А. Д., Савинов А. Б. и др. ; отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Марков, А. В. Коротаев. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 368 с.
36. Эрекаев В. Д. Современная философия и квантовая физика / отв. ред. А. И. Панченко. – М. : РАН. ИНИОН: Отдел философии, 2007. – 110 с.
37. Эткинз П. Десять великих идей науки. Как устроен наш мир / Питер Эткинз ; пер. с англ. В. Герцика. – М. : АСТ, Астрель, 2008. – 384 с.

© Ларьяновский И. С.